

**“НЕФОРМАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО”: СТРАТЕГИИ ЖИЗНЕННОГО УСПЕХА В
ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ**

This article discusses life-success strategies as a qualitative socio-cultural characteristic of the society undergoing transformation. Life-success strategies are viewed as a concept that unites social and individual goals and values with practices of their implementation. The main focus lies on the problem of “informal” practices of life-success achievement in different spheres of social life in transformational society.

У статті аналізуються стратегії життєвого успіху у суспільстві, що трансформується. Стратегії життєвого успіху розглядаються як якісна характеристика, що поєднує суспільні чи індивідуальні цілі та цінності із практиками їх реалізації. Головним фокусом аналізу є “не-формальність” практик досягнення життєвого успіху та концепція “неформальності”.

Ключевые слова: трансформирующееся общество, социальные практики, стратегии жизненного успеха, неформальные сети поддержки

Изучая трансформирующееся общество как особый тип общества¹, а не просто стадию перехода от одного состояния общества (например, социалистического или авторитарного) к другому (например, капиталистическому или демократическому), самым первостепенным видится вопрос: благодаря (или вопреки) чему трансформирующееся общество остается таковым, что из себя представляют сформировавшиеся за десятилетие (или существовавшие и ранее?) механизмы функционирования, которые определяют эту устойчивость “переходности” и “трансформации” как общее качество социальной системы постсоветского общества. Если следовать логике социальных ученых, развивающих теорию социальных изменений [1–3], то ответ на этот вопрос нужно искать в области взаимодействия “структуры” и “агента”. То есть в сфере социальных практик. Именно социальные практики, *способы* социального взаимодействия, опосредующие цели агента и возможности структуры, сочетание обыденного знания того, “как” достигается тот или иной результат в данном конкретном случае с устоявшимися моделями поведения, и можно рассматривать как сформировавшиеся механизмы функционирования социального целого, которые могут оказаться стратегическим фактором трансформирующегося общества. Опыт последних лет убедительно продемонстрировал, что простое принятие каких бы то ни было демократических или рыночных законов, норм и институтов не обеспечивает их выполнение в той форме, в какой они выполняются в другом обществе, и не ведут к аналогичным результатам. Например, гражданские инициативы не перерастают в гражданское общество, если просто провозгласить свободу слова и собраний, не становятся широко распространенным способом решения проблем локальных сообществ, если нет практики подобного коллективного действия, имевшего традиционно положительный результат. То есть, конечно, какие-то гражданские инициативы появляются, но они носят качественно отличный характер. К примеру, забастовки шахтеров и их демонстрации в Киеве 1998–1999 года носили не форму лоббирования собственных интересов через институты демократического самоуправления, а традиционную форму “жалобы”, направленной от “обиженных низов” к “властным верхам”, были санкционированы (то есть получили соответствующее разрешение на проведение данной конкретной акции в такое-то время в таком-то месте) сверху, и решалась проблема с помощью директивного метода. Или, другой пример: введение рыночного механизма банкротства неплатежеспособ-

¹ Подробнее аргументацию см.: Бабенко С.С. Трансформирующееся общество как тип общественного устройства Украины и России // Методология, теория и практика социологического анализа современного общества. – Харьков: Изд-во ХГУ, 1999. – С.20-25

собного підприємства в якості естественного регулятора розвитку рентабельного підприємства, привело до розповсюдженню широкомасштабного бартерного обміну (якісно іншого виду взаиморасчетов) між підприємствами на основі сложившихся раніше соціальних зв'язей [4]. І подібних прикладів багато. Всі вони не просто виявляють специфіку нинішнього перехідного періоду в Росії, Україні або іншому постсоветському суспільстві, а свідчать про особливі практики рішення повсякденних проблем, які лежать в основі соціального устрою трансформуючого суспільства як альтернативного типу сучасності. В трансформуючому суспільстві значно ослаблена роль формальних соціальних інститутів, декларованих норм і правил поведінки в реальному соціальному процесі, і навпаки, роль неформальних правил, практик і форм взаємодії дуже сильна, що дозволяє запропонувати назву "неформальне суспільство" в якості робочого визначення цієї особливості трансформуючого суспільства. Це якість "неформальності" є характеристикою тимчасової, оскільки в результаті інституціоналізації рано або пізно ефективні форми розповсюдженню повторюючого соціального дії закріплюються в формальних соціальних інститутах, набувають нормативності і загальноприйнятості. Або ж формальні соціальні інститути впроваджуються і починають дійсно регулювати соціальні практики, подолавши сложившуюся традицію. Однак, навіть тимчасова, але ця "неформальність" установившихся соціальних практик – одна з найяскравіших рис трансформуючого суспільства, дослідження якої дозволить відповісти на питання "що існує тут і зараз" і "як це функціонує", а вже на основі цього стануть можливими і побудови передположень про те, які далі шляхи розвитку даного феномена – інституціоналізація або подолавання традиції. І в цьому сенсі соціокультурний потенціал трансформації суспільства представляє собою, з однієї сторони, змінюваність інституціональної структури, а з іншої – стійкість соціальних практик, заснованих на традиціях, культурі і якості соціальних акторів.

Соціокультурний потенціал трансформуючого суспільства виражається в домінуючих типах, способах, зразках соціального дії, найбільш розповсюджених моделях включення в суспільство, стійких практиках соціального поведінки, а також ціннісних установках і орієнтаціях. Моделі життєвого успіху, з однієї сторони, обумовлюють формування соціокультурного потенціалу на рівні особистого включення в загальноприйняті форми діяльності, групового взаємодії; а з іншої сторони, відображають можливості самовиробництва і зміни ціннісних і соціальних структур. А стратегії досягнення життєвого успіху як раз і відображають ці практики соціального поведінки, в яких виражаються загальноприйняті цілі і звичне повсякденне знання "як" ці цілі досягаються в конкретних умовах реального часу і місцевої дійсності.

Специфіка життєвих практик різних соціальних груп забезпечують різні моделі життєвого успіху в суспільстві, а стратегії їх реалізації, в свою чергу, надають вплив на формування і зміну соціокультурного потенціалу трансформуючого суспільства. Таким чином, моделі життєвого успіху можна розглядати як фактор, обумовлюючий динаміку і спрямованість соціального процесу. Моделі життєвого успіху реалізуються через специфічні практики соціального дії людей, відображаючи культурні особливості даного суспільства і реалізують діяльний аспект взаємодії групової і інституціональної структур суспільства.

Стратегії досягнення життєвого успіху – це ціленаправлена, рефлексивна діяльність, осмислений, повторюваний вибір лінії поведінки соціального актора, заснований на стійкій соціальній практиці. Стратегії включають в себе два неотъемлемих компонентів: мотивацію (внутрішнє підштовхування до дії) і практику (або діяльність), а в якості цільового виступає досягнення успіху, зрозумілого в широкому сенсі як позитивна оцінка результативності стратегії.

В межах такого розуміння життєвого успіху з'являється можливість аналізувати

стратегии адаптационного поведения как одну из разновидностей модели жизненного успеха, поскольку практика успешной адаптации к кардинально изменившимся условиям жизнедеятельности составляет важную социальную силу трансформирующегося общества, по данным исследований значительно преобладающую в количественном отношении над "достиженческой" стратегией жизненного успеха с ведущей инновационной компонентой, которая не превышает 5-10% опрошенных, в зависимости от формулировки вопроса [5, 6].

В семантическом поле понятия "жизненного успеха" можно выделить несколько осей напряжения, между полюсами которых располагается континуум понятия "жизненного успеха в трансформирующемся обществе". Первая из них – это ось целеполагания, полюсами которой являются "успех – выживание". Прежде всего в этой проекции располагается целевая направленность социального актора, причем, если позиция достижения успеха в данном случае означает ориентацию на "покорение вершины", попытку добиться чего-то нового, лучшего или большего, то позиция выживания призвана обеспечить хотя бы "статус кво", сохранить позиции, приобретенные ранее. Вторая ось – это ось методов и способов реализации жизненного успеха: "инновация – адаптация", где полюсу инновации будут соответствовать новаторские принципы поведения или использование открывшихся новых возможностей достижения жизненного успеха, тогда как адаптация есть приспособление старых форм организации, традиционных социальных практик к новым институтам и жизненным реалиям. И третья ось погружена в область смыслов, значений понимания "успеха", его социокультурной нагрузки и места в системе ценностей данного конкретного социального актора (индивида, группы, общества). Социально одобряемое понимание "успеха" значительно отличается в различном социокультурном контексте: религиозном и светском, традиционном и современном (модерн), индустриально-капиталистическом и советском, а также в рамках культуры постмодерна [7]. С другой стороны, не менее, а, может быть, и более важным является понимание, применение и оценка способов достижения этого социально одобряемого успеха, его социальная цена, которая выражается в признании или осуждении, и тоже глубоко укоренена в культурной традиции социального субъекта и его социальной практике. В этом ракурсе, стремление к индивидуальному успеху и социальное одобрение способов его достижения в советском обществе были разделены. Так, занятие высоких руководящих должностей было престижным, однако "карьеризм", то есть способ поэтапного достижения этой самой должности, открытое стремление к карьерному росту – считалось крайне отрицательной характеристикой человека. А специфика каналов вертикальной социальной мобильности (в номенклатуру) и особенности функционирования системы распределения в эпоху дефицита, сформировало практику взаимобмена на основе социальных сетей взаиморасчетов "между своими", блата [8], дружеских сетей взаимопомощи ставшую универсальной практикой достижения успеха в широком поле деятельности – от экономики до образования, от правовой защиты до СМИ. Локальные семейные и дружеские сети поддержки, которые располагаясь преимущественно в области неформальных отношений, взаимных обменов ресурсами, связями и социальным капиталом, являются важным системообразующим элементом практик достижения успеха или выживания, адаптации или инновационной деятельности в практически любой сфере жизнедеятельности общества, будь то экономическое поведение, политические стратегии или защита правовых интересов. В настоящее время именно эта неформальная система социальных отношений, представленная в виде сети формальных и неформальных взаимобменов, взаимопомощи, поддержки между семьями и официальными должностными лицами на основе родственных и дружеских отношений является той основой, на которой строится неформальная экономика переходных "развивающихся" обществ [9], которая обеспечивает выживание большинства населения этих обществ. Неформальная поддержка осуществляется благодаря "социальному капиталу, накопленному семьей, и традициями социальной солидарности локальных сообществ. Этот капитал складывается из полезных социальных связей, взаимобменов различного рода услугами и оказанию помощи на основе дружественных отношений между членами семьи и представителями различных социальных групп, в которые они были включены в

течение своей жизни" [9, с.228]. В рамках данного понимания социальной практики решения повседневных проблем и такого типа включенности в систему общественного производства и распределения понимание стратегий достижения успеха представляется в новом ракурсе. Социальная практика достижения индивидуального жизненного успеха оказывается укорененной в системе социальных взаимозависимостей и неформальной поддержки, а также восприятие "опоры на другого" (или других) как естественного и нормального способа поведения в достижении экономического успеха. Такая практика достижения жизненного успеха оказывается эффективной не только в сфере выживания крестьянского населения России, но и предприятий малого и среднего бизнеса [4]. Ответ на вопрос о том, насколько эта практика распространена у других социальных субъектов и как она действует в иных сферах жизнедеятельности общества поможет показать, является ли "не-формальность" системообразующей чертой трансформирующегося общества, и, соответственно, каковы перспективы его дальнейшего развития.

Литература:

1. Archer M. The Realist Social Theory: The Morphogenetic Approach: Cambridge University Press 1995. – 354p.
2. Giddens A. (1984) The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration. Cambridge, Polity Press. – 404p.
3. Штомпка П. Социология социальных изменений. М. 1996. – 414с.
4. Неформальная экономика. Россия и мир / под ред. Теодора Шанина. – М.: Логос, 1999. – 576 с.
5. Левада Ю.А. "Человек приспособленный" // Общественное мнение – 1999. Москва, ВЦИОМ, 2000. – С.71-73
6. Паніна Н.В., Головаха Є.І. Тенденції розвитку українського суспільства (1994-1998 рр.). Соціологічні показники. – К. Інститут соціології, 1999. – 152 с.
7. Бевзенко Л. Зміст життєвого успіху: соціально-культурологічний контекст // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. – 2000. – №1. – С.34-51.
8. Леденева А. Блат и рынок: трансформация блата в постсоветском обществе // Неформальная экономика. Россия и мир / под ред. Теодора Шанина. – М.: Логос, 1999. – С.111-124.
9. Штейнберг И. Русское чудо: локальные и семейные сети взаимоподдержки и их трансформация // Неформальная экономика. Россия и мир / под ред. Теодора Шанина. – М.: Логос, 1999. – С.227-239.

ТРАНСФОРМАЦИЯ: К РЕКОНСТРУКЦИИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ПОНЯТИЯ

This article deals with the concept of transformation. Using this concept logically presuppose taking the assumption that the societies develop throughout the changing of certain and stability states. This assumption is based on thinking tradition of studying of historical processes. Another assumption is that the certain states of social system have not formed yet in 'transforming' societies. Taking these assumptions give doesn't us any methodological advantages. Therefore the concept of transformation signifies something that have not other profound definitions.

Стаття стосується поняття трансформації. Використання цього поняття логічно передбачає прийняття припущення, що суспільства розвиваються шляхом зміни визначених і стабільних станів. Це припущення базується на традиції мислення при вивченні історичних процесів. Інше припущення полягає в тому, що певний стан соціальної системи поки що не сформувався у суспільствах, які ми називаємо "трансформаційними". Прийняття цих припущень не надає нам якихось особливих методологічних переваг. Тому поняття трансформації усе частіше позначає дещо, що не було інших, змістовних визначень.

Ключевые слова: трансформация, форма общественного устройства, изменение, идеология, теория, традиция мышления, допущение.

Использование понятий в науке – вещь весьма тонкая, и подходить к их определению следует с чрезвычайной осторожностью. Это тем более важно, что общественные науки, как правило, не оперируют, как, например, математика, чисто условными обозначениями. А используемая ими терминология имеет свою "историю" и "традиции" употребления, которые задают горизонт возможного мышления с использованием данной терминологии [1, с.5-8]. Поэтому представляется необходимым высказать некоторые замечания по поводу широкого употребления в социологии понятия трансформации как характеристики (в данном случае) постсоветских обществ.

Если подходить чисто этимологически, то слово "трансформация" означает "процесс, проходящий между формами". Здесь имеют место определенные допущения. Во-первых, допущение о том, что общество развивается через смену определенных "форм", то есть неких стабильных, базовых, важных и сложных, качественно определенных состояний. Предполагается, что форма сохраняется при многочисленных и разнообразных изменениях, саму форму изменить крайне сложно. Форма общественного устройства понимается как стабильный и устойчивый порядок того или иного общества.

В связи с теоретическим аспектом рассмотрения понятия трансформации следует, по-видимому, обратиться к традиции мышления, которую можно было назвать историко-теоретической, которая значима как для данного случая, так и для социологического и научного мышления. Эта традиция в общем виде выражается положением о том, что "познавать – значит классифицировать". И действительно, первым и необходимым шагом в познании, а иногда и достаточным, является классификация и определение критериев тождества и различий. Применительно к обществу можно говорить о следующих взаимосвязанных моментах: о периодизации истории (различия во времени) и о формах общественного устройства (различия в пространстве). Причем разделить эти моменты зачастую крайне сложно и потому их взаимосвязь как правило считают неразрывной, что и демонстрируют нам различные религиозные, философские, социологические, культурологические и иные теории и утопии. Вот только некоторые из них:

Мусиездов Алексей Александрович – аспирант кафедры социологии Харьковского национального университета им.В.Н.Каразина (e-mail: alessio@freemail.com.ua)

- древнегреческая и древнеиндийская мифология, христианство;
- описания различий в нравах разных народов у Геродота, разделение на греков и варваров, правоверных и еретиков;
- история государств и правящих династий;
- средневековые утопии;
- формы правления у Платона;
- закон трех стадий О. Конта и процесс естественноисторического развития К. Маркса;
- циклические теории О. Шпенглера, А. Тойнби, П. Сорокина;
- Gemeinschaft и Gesselleschaft Ф. Тённиса;
- разделение европейской истории на : античность , средние века , новое время , к которым иногда добавляют “новейшую историю”;
- принятые в теориях модернизации деления обществ на: традиционное (аграрное), современное (индустриальное), постиндустриальное (информационное, технотронное);
- разделение на эпохи модерна и постмодерна;
- проведение различий между открытым и закрытым обществом, тоталитаризмом и демократией, плановым и рыночным обществом и т.д. и т.п.

Эти теории пытаются познавать общество и историю, выделяя этапы, системы, стадии, рисуя возможные образы общества, его формы, которые, следуя как познавательным принципам, так и (некоторые из теорий) контовскому разделению на социальную статику и социальную динамику, представляются относительно целостными и стабильными, более или менее устойчивыми во времени и пространстве. Даже при всем желании изучать изменчивое, по-видимому, следует основываться на чем-то, что хоть в какой-то степени остается постоянным, а этим постоянным полагают формы общественного устройства. Понятие формы стало универсалией социального мышления, подобно тому, как у И. Конта пространство и время являются универсалиями мышления вообще [2]. Вне понятия о форме общественного устройства помыслить об обществе в целом вряд ли возможно.

Поэтому изменение самой формы требует к себе самого пристального внимания. Полагая наблюдаемое общество крайне изменчивым и нестабильным (то есть не отвечающим основным и определяющим характеристикам “формы” общественного устройства), вполне логично говорить о нем как о находящемся в ситуации трансформации. Здесь следует заметить, что описание трансформации прямо или косвенно зависит от описания того, чем же является сама форма общественного устройства (или ее аналитическая модель, идеальный тип), каковы ее содержательные характеристики, конституирующие принципы. А как мы видим, описания формы могут быть весьма различными. И поэтому очень важным является то, что описание формы общественного устройства (модель, концепция, подход, используемая терминология и т.д.) определяет видение трансформационных процессов.

Второе допущение состоит в предположении о том, что некая предполагаемая форма общественного устройства (как бы мы ее ни определяли) еще не сложилась, то есть изменение не завершено. На чем основывается данное допущение? Очевидно, и в данном случае можно говорить о причинах, лежащих, с одной стороны, в политико-идеологической сфере, а с другой – в социологической. Причем эти причины естественным образом взаимосвязаны и могут быть выделены лишь аналитически.

В первом случае мы имеем дело с борьбой идеологий по поводу желаемого образа будущего. Нереализованность этого образа будущего, каким бы он ни был, во-первых, открывает возможность и оправдывает необходимость политических действий, а во-вторых, объясняет нынешнее неудовлетворительное состояние общества. А, кроме того, открывает возможность и оправдывает необходимость тех или иных политических действий, обуславливает отказ от “старой” (предыдущей) формы общественного устройства, то есть сама форма служит источником изменений (трансформации). А для этого новая форма необходимо должна выступать как “лучшая” в отношении к прежним формам, или как минимум в отношении к “бесформенному” состоянию. Идеология трансформации позволяет, как оправдать существующее положение вещей, так и дает надежду на удовлетворительный

исход трансформации в будущем. А, кроме того, она является стимулом для научных, философских и иных изысканий, которые оказываются актуальными [3].

Во втором случае понятие трансформации отсылает нас к теоретическим моделям развития общества (формационный подход, модернизационный подход, etc.). Любые подобные модели или теории изменений с необходимостью включают в себя некоторые базовые состояния (фазы, этапы и т.п.) общества, с которыми соотносится наблюдаемая реальность. И если в определенный момент реальность далека от выделенных фаз, этапов, состояний, то говорят о том, что общество находится в промежутке между ними, переходит или трансформируется от одного состояния к другому. При этом в ситуации с постсоветскими обществами достаточно сложно говорить о том, между какими именно состояниями находятся эти общества. Поэтому вполне правомерны дискуссии и изыскания о том, “куда идем?” и даже “откуда идем?”¹. Другими словами, особенностью подобных изысканий является предположение (скорее неявное), что предполагаемый результат уже описан в рамках существующих подходов (традиционное – современное – *постсовременное общество*, закрытое – *открытое общество*, авторитаризм – *демократия*, социализм – *капитализм* и т.д.). И как следствие – попытка “вписать” реальность в существующие модели. Такая попытка отнюдь не лишена смысла, но вопрос в том, является ли она единственно возможным решением проблемы?

В качестве альтернативы подобного подхода предлагают создать новую теорию развития общества, если не полностью, то хотя бы частично отказавшись от старых понятий. И в связи с этим вполне понятна обеспокоенность отсутствием единого категориального аппарата и единой методологической позиции [4], ибо любая теория претендует на то, чтобы стать полностью разделяемой научным сообществом. Последнее же, принимая во внимание традиционную полипарадигмальность социологии, если и осуществимо, то, по крайней мере, сопряжено с многочисленными трудностями.

В любом случае, предположение о незавершенности изменений и о необходимости новой формы общественного устройства открывает перспективу видения ситуации на уровне научного исследования (“трансформационная парадигма”), служит социальной целью на идеологическом уровне и является источником изменений на уровне социальной практики.

Говоря о Трансформации, обычно подчеркивают, что это сложный и многоплановый процесс, состоящий из множества различных отдельных изменений. Поэтому и говорят о трансформационных процессах, являющихся составляющими Трансформации. Здесь возникает еще один важный вопрос: какие процессы мы считаем трансформационными? Или: что такое “трансформационные процессы”, и можем ли мы выделить и отличить собственно трансформационные процессы от всех остальных процессов изменения общества?

В свете рассмотрения понятия трансформации логичным ответом на этот вопрос будет следующий: “Трансформационные процессы – это те процессы, которые приведут в результате к новой форме общественного устройства”. В целом этот ответ не является дискуссионным, ибо он дан “в общем вид”. Следующий шаг является гораздо более сложным. Знаем ли мы, какие именно процессы приведут в результате к новой форме общественного устройства? Положительно ответить на этот вопрос мы смогли бы, если бы социологическое знание было организовано в виде логических суждений следующего вида: “Определенные процессы при определенных условиях приводят (как правило, обычно, часто, иногда, с некоторой вероятностью etc.) к определенным результатам”. А такие суждения могли бы иметь место в том случае, если бы происходящие здесь и сейчас процессы уже были бы неоднократно наблюдаемы и описаны во всех своих следствиях. Специфика же социологического знания состоит, прежде всего, в том, что оно вряд ли может быть строго организовано в законоподобные и четкие причинно-следственные суждения. А специфика нынешней ситуации – в том, что эти процессы наблюдаются впервые, по крайней мере, – впервые в нынешних условиях. Поэтому вопросов оказывается гораздо больше, чем ответов.

¹ См., например, материалы симпозиумов в сборниках “Куда идет Россия?..” в 1994 – 1999.

Исследовательская логика гласит, что сначала мы наблюдаем процесс, а затем делаем вывод о его качественных характеристиках, в данном случае о том, что этот процесс является трансформационным. На основании чего мы делаем такой вывод? В чем состоят качественные отличия новых процессов от старых? Здесь появляется широкое поле для дискуссий и не только для собственно научных. Проблема состоит в том, что многие изменения (причем такие же изменения) происходят и в другое, "нетрансформационное" время: например, принятие новых законов, изменения социальных установок, систем ценностей, ролей, социальной структуры в целом и т.д. Являются ли признаками "трансформационности" этих процессов скорость или интенсивность их протекания? Это ли искомый признак? Или о Трансформации мы говорим лишь потому, что наблюдаем, возможно, "слишком много" протекающих одновременно изменений? По-видимому, с большей долей уверенности можно говорить как о трансформационных лишь о совершенно новых и неведомых нам ранее изменениях. При этом словом "трансформационные" характеризуя лишь то, что мы пока не можем ничего определенного сказать о результатах этих процессов.

Во всяком случае, использовать представление о какой-либо определенной будущей форме общественного устройства в качестве критерия, позволяющего выделять и отличать трансформационные процессы от всех остальных процессов изменения общества, представляется правильным с точки зрения логики, но в данном случае весьма затруднительным, ибо мы не можем знать заранее, какие процессы к чему приведут.

В данных условиях особую актуальность и интерес приобретают исследования, авторы которых так или иначе пытаются отказаться (с большим или меньшим успехом) от привнесения определенной доли телеологии в свои рассуждения. Эти авторы, как правило, либо изучают какие-либо конкретные процессы, могущие считаться (хотя и не всегда) проявлением трансформации, либо пытаются описывать общество без указания на предполагаемую направленность его изменений [5, 6, 7]. По мнению Т.И.Заславской, например, процесс трансформации представляет собой "множество сложно переплетающихся экономических, политических и социальных процессов. Однако, что во что преобразуется, или от чего к чему совершается переход – пока до конца не выяснено" [8, с.5]. Такой подход, по-видимому, становится все более популярным. Если допустить, что изменение уже завершено, то есть, что некая форма (формы) постсоветских обществ уже сложилась [9], то вопрос о том, почему эта форма не соответствует существующим теоретическим моделям отходит на второй план, хотя и не теряет своей актуальности. При таком подходе основным становится описание существующего вне прямой и непосредственной зависимости от уже сложившихся теорий развития. А кроме того, характеристика нынешнего постсоветского общества как трансформационного правомерна лишь постольку, поскольку иного названия для этого общества мы не имеем.

Основные выводы данной статьи можно сформулировать следующим образом. Использование понятия трансформации логически предполагает принятие допущения о том, что общество развивается посредством смены определенных "форм", то есть неких стабильных, базовых, важных и сложных, качественно определенных состояний. Это допущение опирается на определенную традицию мышления в изучении исторических процессов. Второе допущение состоит в том, что некая предполагаемая форма общественного устройства (которая в принципе "должна быть") еще не сложилась в тех обществах, к которым мы применяем термин "трансформирующиеся", то есть, что изменение не завершено. Принятие этих допущений не дает нам никаких особых методологических преимуществ, поэтому указанный термин все чаще употребляется как характеристика неопределенности постсоветских обществ, их несоответствия существующим теоретическим моделям, а потому термином "трансформация" по сути обозначается нечто, чему нет иных, содержательных определений.

Литература:

1. Глебкин В.В. Ритуал в советской культуре. – М.: "Янус-К", 1998. – 168с.
2. Кант И. Критика чистого разума. Серия "Выдающиеся мыслители". Ростов-на-Дону:

“Феникс”, 1999. – 672 с.

3. Мусиездов А.А. Трансформация: Методологическая перспектива // Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства: Збірник наукових праць. – Харків: Видавничий центр Харківського національного університету ім.В.Н.Каразіна, 1999. – с.67-71.
4. Заславская Т.И. Методологические проблемы исследования посткоммунистических процессов // Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства: Збірник наукових праць. – Харків: Видавничий центр Харківського національного університету ім.В.Н.Каразіна, 1999. – С.3-9.
5. Родоман Б.Б. Идеальный капитализм и реальная российская экономика // Куда идет Россия? Кризис институциональных систем: Век, десятилетие, год / Под общ. ред. Т.И.Заславской. – М.:Логос, 1999. – с.419-427.
6. Фирсов Б.М. Человеческие качества и ценности в условиях непредсказуемого будущего // Куда идет Россия?.. Общее и особенное в современном развитии / Под общ. ред. Т.И.Заславской. М.,1997. – с.348-352.
7. Полохало В. Политология посткоммунистических обществ в Украине и России (К методологии политического анализа) // Полис. – 1998. – №3. – С.7-15.
8. Заславская Т.И. Социальный механизм трансформации российского общества // Социологический журнал. – 1995. – №3. – С.5-22.
9. Бабенко С.С. Трансформирующееся общество как тип общественного устройства // Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства: Збірник наукових праць. – Харків: Видавничий центр Харківського національного університету ім.В.Н.Каразіна, 1999. – с.20-25.

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОНЯТИЯ "МАРГИНАЛЬНАЯ ЛИЧНОСТЬ"

The different communication means development in late 20th century allows to look for social phenomena in their dynamic development from different sides, to build the more complete picture of the subject, gives possibility of objective approaches in research and defines the further perspectives of studying.

In the focus of the article there are means of marginal personality adaptation and communications in the strange culture, where they experience discomfort and social-&-psychological reactions, carrying in general self-defensive-&-adaptive character.

For this purpose we give definition of concept marginalism and marginality, marginal function. We make four levels for concept "the marginal Man".

These questions and some other could be the subject of marginality and its phenomena studying.

У статті розглянуто основні поняття, пов'язані з проблемою маргінальності, маргінальної особистості в сучасному суспільстві. Автор виносить на обговорення такі ключові поняття як "маргінальність", "маргінальна особистість", "функція маргінальності". Для звуження поняття "маргінальна особистість" з метою дослідження тих чи інших аспектів феномена запропонований чотирьохрівневий підхід до розгляду поняття: соціально-географічні, культурно-трансформаційні, індивідуально-ідеологічні, індивідуально-творчі рівні.

Таким чином, у статті обґрунтований загальний методологічний принцип у підході до маргінальності в зв'язку з розглядом тих чи інших аспектів соціокультурного феномена маргіналізму.

Ключевые слова: маргинализм, маргинальная личность, маргинальность, социальная функция маргинальности, социальная трансформация, идентификация, уровни маргинальности.

В предыдущих статьях [1; 2; 3] мы попытались дать обзор довольно пестрому представлению такого понятия как "маргинализм", "маргинальная личность" и обозначить контекст, в котором эти понятия употребляются. Результатом явился тот факт, что интуитивно понимаемое понятие воссоздает схожие образы, однако при попытке построения общей методологической базы возникают серьезные затруднения.

Прежде чем приступить к обобщению различных точек зрения на маргинальность, хотелось бы сделать некоторые замечания относительно общего методологического принципа, которого мы будем придерживаться.

Глубокие изменения современного общества дают основания к гипотетичной мысли, согласно которой приходится исключить любую претензию на универсализм современных теорий, пусть даже преуспевших в объяснении достаточно узкого класса социальных явлений. "Неподвижные основания", "социальные аксиомы" и любые другие допущения, согласно которым могут делаться построения, рано или поздно расшатываются и приходят в движение. Поэтому любое теоретизирование обречено на *актуальность*, совместимость и взаимодействие социальных элементов возможно лишь в контексте эпохи, то есть существует прямая зависимость теории от временно-пространственного фактора.

В связи с этим можно было бы предположить существование двух основных методологических подходов в описании социальных процессов и явлений: с одной стороны, традиционно пытаться создавать теорию, опирающуюся на феномены современности и позволяющую выстраивать относительно адекватную пространственно-временную картину, которая, учитывая быстроту трансформаций и непредсказуемость современного общества, безнадежно устареет уже через несколько десятков лет и станет достоянием лишь историко-социологических дисциплин, либо, с другой стороны, пытаться строить теорию, опираю-

Горбач Александр Натанович – аспирант кафедры социологии Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина (e-mail: gorbach@gtm.net)

щуюся на закономерности оперирующих неустойчивыми, пограничными, изменяющимися, динамичными составляющими, которые, тем не менее, свойственны любой эпохе и обуславливают любые процессы изменений без акцента на конкретные застывшие слепки времени в виде той или иной эпохи. В последнем случае перед исследователем усложняется задача выбора аксиоматики, ибо “две точки, через которые пройдет прямая” будут представлены абстракцией другого порядка, не являющейся интуитивно понятной. В идеале этот подход задает некую совокупность функций, требующих параметры-контексты – некие “элементы-переменные” социальной действительности, характерные каждой конкретной эпохе. Результатом действия этой совокупности “социальных функций” с социальными фактами в качестве параметров, соответствующих определенному времени, должна быть адекватная картина каждого конкретного общества. Особенность такого подхода – в попытке преодоления временной ограниченности, “контекста времени”, социоисторичности каждой эпохи и прочих “устойчивых” составляющих, которые, являясь *актуальными*, исчезают вместе с описываемой ими эпохой.

Для построения “пограничной аксиоматики” нужно попытаться выстроить совокупность “социальных функций”, которые, по сути, являются особого рода закономерностями тех или иных трансформаций. Такой подход низводит любые статичные понятия, в том числе – даже закреплённые в науке и имеющие некий интегральный устойчивый смысл, до переменной, выступающей маркером того времени в жизни общества, когда эти понятия создавались и использовались.

Мы хотим подвести к мысли о том, что маргинальность следует рассматривать не как элемент-контекст социальной действительности, определяемый через традиционно устойчивые понятия. Маргинальность является неизменным атрибутом любой социальной трансформации, это одна из социальных функций общества, ибо застывшее общество есть мертвое общество. Именно маргинальные явления делают общество подвижным, именно благодаря феномену маргинализма образуются инновационные ниши и неокультурные тенденции. В связи с этим следует акцентировать внимание не на выявлении актуальных дефиниций, а на механизмах трансформации, на социальную функцию маргинальности. В широком смысле маргинальность – состояние общества, группы или личности, оказавшихся в пограничном, неустойчивом состоянии. Понятие маргинальность наиболее полно раскрывает себя посредством социальной функции маргинальности.

Социальную функцию маргинальности мы будем рассматривать как социальную функцию, снимающую жесткую взаимообусловленность элементов социальной действительности, приводящую эти элементы в движение и дающую возможность для новой взаимозависимости социально-значимых элементов. Новая комбинация элементов социальной действительности устанавливается естественным для общества образом, оптимизирует действие социальных институтов, дает выход новому вопреки сопротивлению старого. Маргинальность – это единственная возможность для создания вероятностного поля, области выбора и эксперимента, где регуляция заменена саморегуляцией и плохая совместимость существующей комбинации социальных элементов стремится к снятию социального напряжения путем поиска новых комбинаций. Наиболее часто встречающиеся параметры маргинальной функции являются такие понятия-контексты как нормы, ценности, представления, модели поведения, социальная и культурная среда, идентификация, стереотипы, миграция, социальная группа, маргинальная личность. Таким образом, *маргинальная функция является одной из социальных функций, обеспечивающих возможность социальных изменений в обществе; для обнаружения феномена маргинальности требуется рассмотреть эту функцию, используя устойчивые понятия-контексты, свойственные современному обществу.*

Помимо функции маргинальности, необходимо уточнить само понятие “маргинальной личности”. Нами был предпринят анализ контекстов [4; 5, с.13-18; 6; 7; 8], в которых встречается то или иное определение маргинальной личности (см., напр., [1, с.85]). Обобщением этих представлений является предложенное автором комплексное многоуровневое определение маргинальной личности.

Маргинальная личность – это надысторический социокультурный феномен, это личность, социальное, психологическое, культурное положение (состояние) в обществе, (или) группе, (или) межличностном общении, которое длительное время является нестабильным (неустойчивым) по внешним (объективным) или внутренним (субъективным) причинам.

Для сужения понятия “маргинальная личность” в целях исследования тех или иных аспектов феномена следует учитывать четырехуровневый подход к рассмотрению данного понятия. Целесообразно, на наш взгляд, выделять:

1. социально-географический,
2. культурно-трансформационный,
3. индивидуально-идеологический, и
4. личностно-творческий уровни. Каждое из определений уточняет и сужает определение маргинальной личности.

На *социально-географическом* уровне понятие маргинальная личность раскрывается как личность, оказавшаяся на грани культур, но не примкнувшая ни к одной из них. *Ключевые понятия (акценты)* этого уровня: миграция, иммигранты, беженцы, переселенцы, социальная стратификация, социальная мобильность, взаимодействие культур, межэтнические (межрасовые) браки, национальные (этнические) меньшинства, колонизация, двойственность поведения и самосознания, мнительность, беспокойство, агрессивность, адаптация, ассимиляция, интеграция.

На *культурно-трансформационном* уровне маргинальная личность – личность, оказавшаяся в результате трансформационных процессов в ситуации резкого изменения социокультурных доминант, при этом скорость изменений значительно превышает время адаптации личности к ним. *Ключевые понятия (акценты)* этого уровня: постмодернизм, открытое (глобальное) общество, трансформационное (переходное) общество, транзитивное состояние общества, подвижность структуры, мобильность, состояние бифуркации, фрагментарность, децентризм, дезинтеграция, кризис норм и ценностей, аномия, идентичность (новые идентичности, кризис идентичности, конструирование идентичности, идентификационные практики и т.д.), когнитивный диссонанс и моральная дилемма, фрустрация, невротизм, стресс.

На *индивидуально-идеологическом* уровне понятие маргинальная личность раскрывается как личность, обладающая харизмой, но (еще) не имеющая влияния на широкие массы. *Ключевые понятия (акценты)* этого уровня: харизматический (неформальный) лидер, избранность, отчуждение, вытеснение, реактивные образования, проекция, символизация, фиксация, релятивизм и безоценочность мировоззрения; особая склонность к констатации фактов без их оценки, склонность к девиации, внутренняя противоречивость и непоследовательность поведения.

На *личностно-творческом* уровне маргинальная личность есть творческая личность, результаты творчества которой есть скорее не продолжение традиции, а принципиально новые направления в сфере духовного и культурного воспроизводства, прямо или косвенно направленные на разрушение существующей традиции. *Ключевые понятия (акценты)* этого уровня: склонность к творчеству, инновации, сопротивление, отрицание, сублимация, конверсия, фантазирование, компенсация, гиперкомпенсация, рационализация, регрессия, обостренная рефлексия и самосознание, критический и скептический склад ума, доходящий до цинизма, отстраненность, закрытость; отчужденность; одиночество.

Ко внешним причинам нестабильности состояния личности относятся социальные процессы в обществе, затрагивающие и ставящие под сомнение основы существования человека, его экзистенцию.

Ко внутренним причинам нестабильности состояния личности относятся наличествующие особенности структуры личности человека и тенденции их изменений, его индивидуальные и социально-психологические особенности, порождающие отчуждение и дезинтеграцию.

По проявлению феномена маргинальности различается индивидуальный (внутренние

проявления) и социальный (внешние проявления) уровни.

По обусловленности ситуацией маргинальность может быть статической (быстрые изменения социокультурной среды без физического перемещения индивидов) и динамической (как следствие перемещения физического).

По степени распространенности маргинальных явлений они могут быть контролируемые (маргинальные явления не превышают критической границы, что характерно для стабильного общества) и неконтролируемыми, спонтанными ("маргинальные общества" – характерно процессу трансформации).

Итак, в этой статье нами был обоснован общий методологический принцип в подходе к определению маргинальности и уточнено само понятие "маргинальная личность" в связи с рассмотрением тех или иных аспектов изучаемого нами социокультурного феномена.

Литература:

1. Горбач А.Н. К вопросу о некоторых методологических аспектах исследования маргинализма // Харьковские социологические чтения – 97. Харьков: Основа, 1997. – С.84-88.
2. Горбач А. Н. К вопросу о социологическом аспекте маргинальности / Харьковские социологические чтения-94. – Харьков, 1994. – С.244-245.
3. Горбач А. Н. Маргинализм как социокультурный феномен / Знание, Культура, Власть: Проблемы философского осмысления. - Харьков: ХГУ, 1993. – С.42-44.
4. Park R. E. Cultural conflict and the Marginal Man // Park R. E. Race and culture. Glencoe, 1950. – P.372-376.
5. Stonequist E.V. The marginal man. A study in personality and culture conflict. N.Y., 1973.
6. Golovensky D. The Marginal Man Concept: An Analysis and Critique // Social Forces. - 1952. – Vol. 30. – №3. – С.333-339.
7. Попова И. П. Маргинальность. Социологический анализ: Учебное пособие. – М.: Союз, 1996. – 202 с.
8. Прибиткова І. Ми – не маргінали, маргінали – не ми? // Філософська, соціологічна думка. – К.: Інститут філософії, Інститут соціології НАН України, – 1993. – №11. – С.70-87.

ТЕНДЕНЦИИ ТРАНСФОРМАЦИИ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ

In the article have been considered the processes of social changes in contemporary western societies. These transformations have lead to the transition to new type of society – the post-industrial society. One of these fundamental transformations is a change in a human activity. In the industrial society the labour was the main type of human activity and in the post-industrial society the creative work have become predominate.

In the article the objective and subjective conditions of the transition to the creative work have been considered also.

The sociologists who represent the post-industrial theory have paid attention to these tendencies for the first time.

В статті представлені основні соціальні трансформації, що відбуваються в сучасних західних суспільствах і ведуть до становлення нового типу соціуму – постіндустріального суспільства. Однією з найбільш значущих трансформацій є зміна в постіндустріальному суспільстві самого характеру людської діяльності, а саме, перехід від праці до творчості. За думкою прихильників постіндустріальної теорії, праця є основним видом людської діяльності, що притаманний індустріальному суспільству, в той час як для постіндустріального соціуму домінуючим стає такий тип діяльності як творчість. Розглядаються також відмінності між працею та творчістю.

Автор також приділяє увагу об'єктивним та суб'єктивним передумовам становлення творчості як основного виду людської діяльності в постіндустріальному суспільстві.

Ключевые слова: *постиндустриальное общество, труд, творчество, мотивы деятельности, неутилитарная мотивация.*

Трансформации, происходящие сегодня в наиболее развитых странах, позволяют говорить о становлении в них нового типа социума – постиндустриального общества. Описывая данный социум, большинство сторонников постиндустриальной теории останавливаются на следующих моментах: 1) процессы, приведшие к его возникновению; 2) изменения в производственной сфере; 3) изменения характера человеческой деятельности; 4) изменения социальных отношений; 5) образование новых политических и социальных элит.

Концепция изменения характера человеческой деятельности выступает одним из инструментов анализа постиндустриального общества. Это изменение, по мнению теоретиков постиндустриализма, находит своё выражение прежде всего в том, что в данном обществе личность обладает возможностью выбирать сферу своей деятельности, исходя, прежде всего, из собственных предпочтений, реализовывая своё стремление к самовыражению и самосовершенствованию.

Возможность самовыражения и самосовершенствования появляется с того момента, когда труд начинает утрачивать черты утилитарности и всеобщности, когда общество становится неспособным оценить все его виды с точки зрения сводимости их к однородному простому труду, а также продукты различных видов труда с единых позиций общественной значимости. Предпосылкой данного этапа служит высокий уровень развития производительных сил, что позволяет отказаться от стремления максимизировать производство благ и открывает возможности создания индивидуализированных продуктов и таких материальных благ, которые фактически невоспроизводимы по причине высокой квалификации их творцов. Само материальное производство на этой ступени социального развития отодвигается на второй план перед созданием предпосылок производства, связанного с генерированием информации и технологий. Одновременно человеческая деятельность приобретает большее

Вакуленко Светлана Николаевна – преподаватель кафедры социологии труда и управления Харьковского национального университета им.В.Н.Каразина (т.: (0572) 45-74-03)

разнообразие, а материальные стимулы, традиционно занимавшие основное место, уступают его иным мотивам, в частности, тяге человека к постижению нового, к собственному совершенствованию как личности. Возникают возможности для постепенного замещения самого труда, как такового, более высоким типом деятельности.

В это же время в рамках теории постиндустриального общества были начаты поиски определения такой деятельности, для чего было предложено использовать понятие творчества. При этом сторонники постиндустриальной концепции, рассматривая процесс перехода от труда к творчеству, противопоставляют общество, основанное на труде, обществу, базирующемуся на творческой деятельности. Отмечалось, что труд как активность, вызванная внешними обстоятельствами, является категорией индустриального строя и отступает на второй план столь же быстро, как происходит переход к новому типу социума.

Необходимо отметить, какие именно черты человеческой активности претерпевают наиболее серьёзные изменения при переходе от трудовой деятельности к творческой. К ним прежде всего относятся тип побудительного мотива деятельности, её цель, основные характеристики производимого продукта, а также отношение человека к внешнему миру.

Трудовая деятельность характеризуется внешним по отношению к человеку побудительным мотивом, однако этот мотив не всегда господствует над человеком как слепая сила, но зачастую осознаётся индивидом, причём в некоторых случаях человек не воспринимает его в качестве чего-то противоестественного, а саму трудовую деятельность – как продукт внешнего принуждения. В любом случае цель трудовой активности – материальный или нематериальный продукт, результат труда; форма этого продукта может быть различной, но данный продукт всегда есть благо, прямо или косвенно удовлетворяющее материальные потребности производителя. Одним из основных качеств продукта труда является также его воспроизводимость, т.е. способность иного индивида создать аналогичный продукт при аналогичных условиях. Продукт труда отчуждаем, т.е. может переходить от одного человека к другому в процессе возмездного обмена.

Недостаток материальных благ и средств их производства порождал противостояние человека природе как враждебной ему среде; именно такое соотношение между человеком и внешним миром и вызывало к жизни труд. Поэтому трудовая деятельность существует там и тогда, где и когда человек реализует свою активность ради достижения материального удовлетворения.

Творчество кардинально отличается от труда. Во-первых, мотивы деятельности перестают быть напрямую зависимыми от внешних материальных обстоятельств и приобретают серьёзную индивидуальную специфику. Во-вторых, целью деятельности становится не некий материальный продукт как материальный объект, а человек, сам активный субъект. Материальное благо, даже если оно и произведено, – это скорее побочное следствие, нежели цель творческого процесса. В-третьих, результат творческой деятельности невоспроизводим – прежде всего потому, что таковой состоит непосредственно в развитии личности его создателя, а деятельность, направленная на самосовершенствование, носит сугубо индивидуальные черты, которые не могут быть скопированы и воспроизведены. В-четвёртых, продукт, выступающий целью творчества, неотчуждаем, ибо приобретённые человеком в его процессе удовлетворение или новые способности не могут быть у него отняты; между тем отчуждаемым, хотя и невоспроизводимым, остаётся материальный или нематериальный продукт, который может быть создан в итоге творчества. При этом последнее не нацелено на достижение вещного результата столь однозначно и жёстко, как труд; в силу чего и окружающий мир не воспринимается творящей личностью как нечто чуждое. Существовавшее ранее субъективное противостояние личности и природы во многом преодолевается. Таковы наиболее заметные черты отличия творчества от труда.

Творческая деятельность характеризуется осознанностью и внутренней, имманентной самому активному субъекту системой мотивации. Это обуславливает появление творческой деятельности как активности, свободной от мотивов, порождённых материальными интересами. Это означает, что такая деятельность может иметь материальный результат не

в качестве своей цели (каковой выступает либо удовлетворение, получаемое непосредственно от процесса деятельности, либо самореализация в ней, либо совершенствование собственных возможностей и способностей), а лишь в качестве побочного следствия.

Не только степень развития и средства его достижения, но и само понимание того или иного направления развития личности как отвечающего её потребностям могут быть заданы только самой этой личностью. Оценивая творчество как порождаемую внутренними мотивами рациональную активность, можно утверждать, что определить деятельность в качестве труда или творчества может только сам её субъект. Устранение труда совершается в первую очередь на социопсихологическом уровне, а преодоление экономических основ социума может стать скорее следствием внутренней эволюции индивидов, нежели результатом трансформации социально-экономических структур. Стремления творческой личности выходят за рамки традиционных мотивов индивида, действующего в условиях экономической системы.

Изучение творчества, на наш взгляд, должно включать рассмотрение предпосылок и проявлений, которые сопровождают данный тип человеческой активности. В связи с этим среди предпосылок становления творчества как основного вида деятельности можно выделить объективные условия, определяемые материальными факторами, и субъективные моменты, вызываемые изменениями мотивов и мироощущения современного человека.

В рамках постиндустриальной концепции выделяются следующие объективные условия развития творческой деятельности.

Первое среди них – рост удельного веса сферы услуг в экономике. Несмотря на то, что доля общественного продукта, создаваемая в сфере материального производства, в последние годы относительно устойчива, во всех западных странах отмечается сдвиг занятости в сторону сфер, создающих услуги и информацию. Всё больше людей обретают возможность реализовывать свои способности, не ограничиваясь рамками материального производства.

Вторым обстоятельством, способствующим становлению творческой активности, является растущая невоспроизводимость создаваемых благ. Этот процесс порождён как потребностями современного производства, так и быстро меняющимися предпочтениями потребителей. Он обуславливает возникновение реальной потребности в развитии творческого отношения человека к миру. Западные исследователи отмечают статистическую закономерность, согласно которой производства, создающие наиболее индивидуализированные блага и услуги, обнаруживают самые высокие темпы роста; в них же в 90-е годы создавалось и максимальное количество новых рабочих мест [1, с.114]. Формирование сектора индивидуализированных и невоспроизводимых благ как важной составной части современного хозяйства делает постоянное совершенствование человека жизненно необходимым, формирует стремление к самореализации – основную черту работника постиндустриального общества.

Третьим фактором является демассификация производства. Новые технологии не только делают отдельные мелкие производственные единицы наиболее конкурентноспособными, но и обеспечивают реальные возможности для индивидуального бизнеса. К примеру, половина американского экспорта к 1997 году обеспечивалась компаниями с числом занятых 19 и менее человек [1, с.115]. Важнейшим обстоятельством, привлекающим работников в такие фирмы и обеспечивающим заметный рост индивидуальной занятости, выступает возможность творчества в профессиональной деятельности, недоступная в индустриальную эпоху.

Сдвиги в материальном производстве формируют многочисленные предпосылки творческой деятельности, делая её необходимой для развития хозяйства и предоставляя адекватные возможности её проявления. Однако, хотя уровень развития производства и степень благосостояния оказывают существенное влияние на формирование творческой деятельности, оно не является определяющим.

Другая важная разновидность предпосылок становления творческой деятельности –

это те аспекты, которые можно назвать преимущественно субъективными условиями. В качестве первого следует назвать способность общества признавать как стремление индивидов к самореализации, так и возможные проявления творческой активности, могущие радикально противоречить устоявшимся стереотипам, в качестве новой социальной ценности. Таким образом, важнейшей субъективной предпосылкой творческой деятельности является допускаемая обществом степень свободы составляющих его индивидов. Это основа творческой активности.

В условиях информационной экономики, когда знания и информация становятся основным производственным ресурсом, унификация людей, их способностей и стремлений становится не условием ускорения развития общества, а причиной неизбежного застоя и упадка. Повышение допускаемой степени свободы перевешивает в этом случае его возможные негативные последствия, и общество начинает рассматривать передачу социальной инициативы индивидам как одну из основных своих задач. Чем большее значение приобретают знания для современного хозяйства, тем более чётким оказывается понимание того, что творческая деятельность построена на свободе, выражается в ней и развивает её.

Второе субъективное условие распространения творчества объединяет в себе развитие доступа к знаниям, понимаемое как повышение образовательного уровня, и совершенствование самой их структуры, становящееся наиболее характерной чертой нашего времени. В последние десятилетия интеллектуальный потенциал превратился в одно из основных условий признания человека в обществе, а стремление к знаниям сформировалось как важнейший социальный приоритет. Всё это обусловило радикальное повышение образовательного уровня современных наций. При этом сегодня знания применяются преимущественно не к совершенствованию орудий труда (что в своё время вызвало промышленную революцию) и даже не к самому процессу труда и его организации (что в начале XX в. стало причиной взлёта производительности), а к самим знаниям, обеспечивая тем самым новые возможности совершенствования личности.

Третий элемент субъективных предпосылок творчества может считаться одновременно формой проявления самого творческого процесса. Имеется в виду то обстоятельство, что в обществе формируется новая система ценностей и предпочтений, в результате чего материальное благосостояние, достижение которого было основной целью работника вплоть до начала 70-х годов XX столетия, утрачивает своё доминирующее значение.

Исключительно важным является также и изменение базовых структурных составляющих рыночного хозяйства – компаний и корпораций. Эти сдвиги отражают прежде всего эволюцию современного человека как в качестве производителя, требующего всё большего уровня автономности и самореализации, так и в качестве потребителя, предъявляющего всё большие требования к потребляемым материальным и нематериальным ценностям. Общее направление подобной трансформации хорошо описано О.Тоффлером, отмечаящим, что основной происходящий сегодня сдвиг определён переходом от традиционных материальных ценностей к выходящим на первое место человеческим потребностям, рассматриваемым во всём их многообразии [2, с.716]. Особое значение происходящим изменениям придаёт сам характер современного интеллектуального работника; к этой категории западные аналитики относят не менее 40% всей используемой в народном хозяйстве развитых стран рабочей силы.

В этих условиях лидерам корпораций приходится пересматривать как внутреннюю организацию своих предприятий, так и их место в обществе. Новые структуры, которые О.Тоффлер называет “адаптивными корпорациями”, соподчиняют свои цели со стремлениями своих работников, с интересами общества таким образом, что появляется возможность говорить о них не столько как об экономическом, сколько как о “социологическом” институте. Здесь вполне уместно привести высказывание Д.Белла, утверждавшего ещё в середине 70-х годов XX в.: “Если мы зададим континуум с экономизированным принципом на одном конце шкалы (где все аспекты организации сводятся к одному – покорному стремлению к поиску средств достижения целей роста производства и получения прибыли)

и социологизированным принципом на другом (где всем рабочим гарантирован пожизненный найм, и удовлетворённость работой становится важнейшим критерием при найме), то в последние тридцать лет корпорация постепенно движется вместе с большинством своих работников к социологизированному концу шкалы" [2, с.716].

Таким образом, все рассмотренные выше изменения являются конкретными воплощениями процесса трансформации труда, процесса его превращения в более высокий тип деятельности – творчество. По мере того, как знания превращаются в самостоятельную силу, как владение информацией обеспечивает всё более достойное положение человека в обществе и как не мотивированная утилитарно деятельность становится уделом значительного числа людей, возникает новая социально-экономическая реальность, именуемая пост-индустриальным обществом.

Литература:

1. Иноземцев В.Л. Экспансия творчества – вызов экономической эпохе // ПОЛИС. – 1997. – № 5. – С.110-121.
2. Иноземцев В.Л. Постэкономическая революция: теоретическая конструкция или историческая реальность? // Вестник РАН. – 1997. – Т. 67. – № 8. – С.711-719.

ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ

The article is devoted to consideration of varied conception of the organizational culture which is a foundations in the development contemporary organizational theory. Existing classifications of the methodological approaches to the analysis of the organizational culture are presented. The author is analyzing rational, phenomenological, symbolic, systematic and cognitive conceptions of the organizational culture. Ethnographic approach to the analysis of the organizational culture is considered. Essential descriptions, basic ideas of each methodological trends are defined.

*Стаття присвячена розгляду різномат-
нітних концепцій організаційної культури,
розвиток якої є засадою реалізації сучасної
організаційної парадигми. Розглянуто дві
існуючі класифікації методологічних підходів
до вивчення організаційної культури, в яких
виділяються такі напрямки: раціонально-
прагматичний, феноменологічний; символічний,
конгитивний та цілісний. Застосовано етно-
графічний підхід до аналізу організаційної
культури. Визначені істотні характеристики,
основні поняття кожного з концептуальних
напрямків.*

Ключевые понятия: организационная культура, интерпретации значений, базовые ценностные представления, коллективные схемы знаний, культурные национальные различия.

Современная концепция организации, формирующаяся на основе интеграции различных научных направлений, таких как теория организации, теория систем, кибернетика, синергетика, предполагает качественно новое видение организации, целей и задач социального управления. В рамках новой организационной парадигмы организация рассматривается как открытая, динамическая, проблемно-ориентированная система, основу деятельности которой составляет обеспечение устойчивого развития. Смысл управления заключается в эффективной реакции организации на запросы внешней и внутренних сред в условиях полной свободы от стереотипов [1, с.8-9]. Одной из предпосылок реализации данной интегрированной науки об организации является высокий уровень организационной культуры, что, в свою очередь, определяет важность и необходимость (как в теоретическом, так и в практическом планах) анализа основных методологических подходов к изучению организационной культуры.

В настоящий момент относительно содержания понятия "организационная культура", способов её изучения среди исследователей нет единого мнения. Существует несколько подходов к рассмотрению культуры организации. По мнению Щербины В.В., концепции организационной культуры, с известной долей условности, можно разделить на две большие группы: 1) трактующие организационную культуру как обозначение самой сути организации; 2) рассматривающие организационную культуру как атрибут организации. Этот подход определяется как "рационально-прагматический" [2, с.120-122].

В рамках первого подхода, ассоциирующегося с "феноменологической моделью организации", впервые природа организационной культуры исследовалась сторонниками антисистемного подхода в социологии организации, которые основывались на представлениях, выработанных феноменологической социологией и этнометодологией. Представители антисистемного подхода в теории организации (Д.Сильверман, К.Вейк, П.Петтигрю, С.Роббинс, П.Бергер) основное внимание уделили изучению организации как совокупности сознательно действующих людей, а также продукт взаимодействия этих людей, мотивирующих свои действия и преследующих свои цели. Отличительной чертой данного подхода является постулат о том, что человек строит свое поведение и деятельность на определённом

суб'єктивном восприятии ситуации, которое представляет собой нерасчленённое целое, включающее его мышления, переживания и действия. Д.Сильверман предложил не принимать трактовку человека в организации как марионетки культуры и воспринимать его как творца и распределителя знаний, рассматривать культуру как способ интерпретации для совершённого действия. Функционирование любого социального института, в том числе и организации, основано на постоянном процессе интерпретации различных значений в каждом конкретном контексте принятых решений самими работниками.

Дальнейшие теоретические разработки феноменологической концепции организационной культуры связаны с теоретическими положениями, выработанными А.Петтигрю, С.Робинсоном, М.Луи, которые ввели понятие "организационная культура" как основу единства восприятия реальности, вырабатываемой участниками взаимодействия в ходе решения проблем совместной деятельности. В интерпретации А.Петтигрю содержание организационной культуры составляет наличие системы единых, конвенционально принятых значений (языковых типизаций), сигналов, символов [2, с.14-16]. Основная функция организационной культуры – мобилизация сознания человека на достижение определённых целей. По мнению А.Петтигрю, человек не является пассивным по отношению к культурному воздействию субъектов, а, напротив, содержит представления, символы, язык, способы восприятия и конструирования реальности. В своём докладе "Образование организационных культур" А.Петтигрю акцентирует внимание на роли руководства в формировании организационной культуры: "Руководитель не только формирует рациональный аспект организации, но он также является творцом символов, идеологии, языка, верований, ритуалов и мифов" [3, с.224].

С.Роббинс при разработке феноменологической модели организационной культуры основывался на парадигме социальной определённости, согласно которой индивиды выступают в роли созидателей социальной реальности, определённым образом интерпретируя её. Процесс интерпретации ситуации происходит на трёх уровнях: универсальном, культурном (или репертуар данной группы) и индивидуальном.

В рамках феноменологической концепции организационная культура является основой конструирования индивидом социальной реальности, она рассматривается как результат "интерсубъективных представлений" и наделяется значимыми смыслами в процессе интерпретации.

Рационально-прагматические положения о природе и источнике возникновения организационной культуры были выдвинуты Э.Шейном. Организационная культура в контексте данного подхода выступает в качестве одной из переменных, являющихся регулятором поведения работника в организации наряду с другими (такими как технологическая, административная подсистемы организации). Согласно Э.Шейну, организационная культура проявляется на трёх уровнях: видимых культурных артефактов, организационных ценностей и базовых представлений (неосознанных и невидимых, предопределяющих организационное поведение). Неосознанные глубинные базовые представления составляют многомерную структуру, включающую пять основных аспектов: 1) представления об отношении со средой; 2) о природе человека; 3) о повседневной жизни; 4) о деятельности; 5) о человеческих отношениях [3, с.121-122]. Совокупность данных элементов и составляет культурную парадигму организации.

Рационально-прагматический подход рассматривает организационную культуру как фактор, который может быть использован руководством для максимизации эффективности организации, сознательно скоординирован и управляем.

Наряду с классификацией теоретико-методологических подходов изучения организационной культуры, предложенной Щербиной В.В., в литературе, посвященной анализу организационной культуры, выделяют три основных подхода: символический, когнитивный, систематический [4, с.26-60]. Основные послышки символического подхода заключаются в следующем: смысл или интерпретация происходящего в организации важнее того, что имеется в действительности; люди используют символы для уменьшения неопределённости

и установления ориентиров поведения при столкновении с нестабильностью. В качестве символов могут выступать эмблемы, флажки, анекдоты, книжки, привычки, обычаи. Символы имеют смысл или приносят его только тогда, когда члены организации понимают их значение одинаково, что определяется, в первую очередь, существующими культурными ценностями. Можно выделить сходство "символического подхода" и "феноменологической концепции" организационной культуры, так как данные подходы основное внимание уделяют процессу интерпретации значимых смыслов определённой ситуации, а также возможности изучения некоторых конвенциональных представлений о реальности. Сторонники "символического подхода" или "символического менеджмента" [5, с.435], как и представители антисистемного подхода в теории организации, отмечают, что символы наполняют смыслом деятельность организации, организационную среду и структуру.

В контексте когнитивного подхода основной акцент делается на таких аспектах культуры как когнитивное сознание, когнитивные схемы или общая система знаний, верований и правил, определяющих соответствующие формы поведения. Представители данной концепции считают, что "по своей сущности организации являются продуктом мысли и действия своих членов" [4, с.28]. Организационная культура представляет собой приобретённые смысловые системы, передаваемые посредством естественного языка и других символических средств, выполняющих репрезентативные, директивные и аффективные функции и способность создавать культурное пространство и особое ощущение реальности. Рассмотрение организации как системы знаний, по мнению сторонников когнитивного подхода, открывает новые перспективы для понимания феномена организационной деятельности.

При системном подходе культура понимается как сложное "естественно-искусственное" образование. Некоторые из представителей этого направления рассматривают феномен социально-психологического климата как релевантный сущности культуры организации. Социально-психологический климат выступает как глобальная характеристика организации, объединившая все ее аспекты.

Систематический подход находит современное воплощение в концепции П.Харриса и Р.Моргана, которые включают в содержание организационной культуры десять характеристик: 1) осознание себя и своего места в организации; 2) коммуникационная система и язык общения; 3) внешний вид, одежда и представление себя на работе; 4) что и как едят люди, привычки и традиции в этой области; 5) осознание времени и его использование; 6) взаимоотношения между людьми; 7) ценности, нормы и механизмы их сохранения; 8) вера во что-то и отношение к чему-то; 9) процесс развития работников и их обучение; 10) трудовая этика и мотивирование [5, с.437-439].

Кроме вышеперечисленных теоретико-методологических подходов изучения организационной культуры, выделяют также этнографический подход, в рамках которого особенности организационной культуры связываются со спецификой национальной культуры. Ярким представителем этнографической концепции является Геерт Хофстеде. На основе проведённого исследования с 1960 по 1980 годы в 70 странах мира Хофстеде классифицирует разные страны по пяти направлениям. Эти направления были обозначены следующим образом: 1) властная дистанция или степень неравенства людей; 2) степень индивидуализированности; 3) маскулинизированность и феминизированность; 4) неприятие неопределённости; 5) долговременная ориентация. По мнению Хофстеде, "отличие культур разных стран лежит на уровне основополагающих ценностей, тогда как различия между культурами профессиональных групп и, в более широком плане, институциональными культурами, носят более поверхностный характер, касаясь их символов, героев, ритуалов и обычаев" [6, с.9]. Также Хофстеде подчёркивает важность отличия ценностей от обычаев в процессе анализа организационных культур: "Ценности – это психологическая тенденция предпочтения одних состояний и действий другим, они невидимы и проявляются лишь в поведении людей. Обычаи – это форма поведения, которая более поверхностна, видима при наблюдении и более подвержена переменам" [7, с.113]. Ценность – это категория специфическая и универсальная, обычаи составляют содержание "деловой практики" любой организации.

Заглядывая в будущее, Г.Хофстеде постулирует, что мультипликационные кампании XXI века, где господствуют ценности страны их происхождения, будут держаться не на общих ценностях, а на обычаях и привычках.

Разнообразие теоретико-методологических подходов изучения организационной культуры свидетельствует прежде всего о широте и многогранности содержания этого понятия. Многие учёные и менеджеры-практики отмечают, что зачастую исследования организационной культуры, отличающиеся по типу и тактике проведения (сравнительные, лонгитюдные, консультативная практика), а также по типу исследуемых организаций, трудносопоставимы между собой. Можно предположить, что в рамках современной организационной концепции, основанной на принципах синергизма, произойдёт формирование нового интегрального подхода к анализу организационной культуры.

Литература:

1. Приходько В.И. Современная организационная парадигма // Менеджмент в России и за рубежом. – 1999. – №3. – С.3-10.
2. Щербина В.В. Социальные теории организации. Словарь. – М.:ИНФРА, 2000. – 264с.
3. Александров В.В., Броницкий О.М. Історія розвитку уявлень про корпоративну культуру в науці управління // Вісник Харківського національного університету. Економічна серія. – № 415. – 1999. – С.218-227.
4. Липатов С.А. Организационная культура: концептуальные модели и методы диагностики. // Вестник Московского университета. Сер.14. Психология. – 1997. – №4. – С.55-65.
5. Организационная психология // Сост. и общ. ред. Л.В. Винокурова, И.И. Скрипюка. – СПб.: Питер, 2000. – 512 с.
6. Хофстеде Геерт. Культура и управление // Курьер ЮНЕСКО. – 1994. – № 6. – С.8-12.
7. Хофстеде Геерт. Общее и специфическое в глобальном менеджменте XXI в. // РЖ: Социальные и гуманитарные науки. Сер. 2. Экономика /РАН ИНИОН. Центр социал. науч. информ. исследований. Отд. экономики. – М., 2000. – С.112-114.

Стрельник Е.А.

К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОКАХ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ГЕНДЕРНОГО НЕРАВЕНСТВА

The paper deals with the question of some methodological foundations of sociological analysis of gender inequality. Particularly, the author underlines the complication in interpretations of the term "gender". The paper represents the review of methodological standpoints as for gender inequality in the functionalist and conflict perspective and their specifics in feminist and gender sociology.

У статті розглядаються питання про деякі методологічні засади соціологічного аналізу гендерних відношень та гендерної нерівності. Зокрема, аналізуються підходи до інтерпретації поняття "гендер"; представлені різні методологічні позиції щодо гендерної нерівності в межах структурного функціоналізму та теорії конфлікту. Автором також розглянуто питання про специфіку аналізу гендерних відношень феміністською та гендерною соціологією.

Ключевые слова: гендер, стратификация, гендерное неравенство, гендерная социология.

Еще Георг Зиммель, исследуя природу женщины, полагал, что наше рассмотрение человеческой цивилизации не нейтрально в отношении пола, как это может показаться на первый взгляд. Современное состояние социального знания как нельзя более полно подтверждает мысль великого классика. Речь идет о формировании нового – гендерного подхода, что означает не просто оперирование новой терминологией, а трансформацию методологической базы и изменение ценностных ориентаций современного гуманитарного знания.

Оставляя в стороне обзор длительной предыстории, положившей начало активизации исследования гендерной проблематики, отметим лишь некоторые моменты, представляющие интерес для анализа.

Тенденция отнесения гендерных исследований к исследованиям междисциплинарного характера связана во многом с тем, что предпосылка о необходимости различения понятий "пол" и "гендер" изначально получила развитие в психологии и антропологии и лишь затем была "подхвачена" социологической теорией (впервые понятие гендер было предложено в 1968 году американским психоаналитиком Р. Столлером). Сегодня именно эти сферы гуманитарного знания являются "гендерно чувствительными", наиболее активно включают гендерную тематику в сферу своих интересов.

Следует отметить сложность и неоднозначность понятия "гендер". Этимологически сам термин практически не имеет аналогов в группе романских и восточно-европейских языков. В данном случае возникает проблема некритичного заимствования англоязычных терминов для практики отечественной социальной науки. Некоторые исследователи полагают, что понятие гендера не имеет гносеологического значения, иными словами "пол не должен превращаться в "гендер" чтобы стать предметом научного исследования" [1, с.72]. В данном случае предлагается оперировать категориями пола биологического и пола социального.

В содержательном аспекте сложность понятия "гендер" обуславливает и многообразие его интерпретаций. В целом выделяются три основных теории гендера [2].

1. Гендер как социальная конструкция. В рамках этого подхода для анализа социальных отношений применяется тезис "всё в мире социально сконструировано". Гендер здесь понимается как организованная модель социальных отношений между мужчинами и женщинами, конструируемая основными институтами общества и сферой повседневного взаимодействия. Собственно, именно в рамках социального конструктивизма в 80-е годы XX века на Западе институционализировались гендерные исследования.

2. Гендер как культурная метафора. Речь идет о символическом аспекте гендера. Бинарно-генетический характер культуры позволяет условно разделить все культурные явления на два типа – мужские и женские, которые, в свою очередь, являются элементами символических рядов: мужское – рациональное – светлое – высокое ...
женское – иррациональное – темное – низкое ...

[подробнее об этом см. например 3].

Итак, пол становится культурной метафорой, которая, как отмечает Э.Фи "...передает отношение между духом и природой. Дух – мужчина, природа – женщина, а познание возникло как некий агрессивный акт обладания... Приравнивание человека – познающему духу в его мужском воплощении, а природы – женщине с её подчинённым положением, было и остаётся непрерывной темой западной культуры" [4, с.396].

3. Гендер как стратификационная категория. Традиционные стратификационные теории М.Вебера и К.Маркса исключали из внимания гендерные аспекты стратификации. Однако результаты современных социологических исследований классовой структуры продемонстрировали, что на стратификационные процессы влияют и такие неклассовые факторы, как гендер и этничность. Для социологов, следовательно, гендер – это категория стратификации, не исключающая влияния других категорий, таких как класс, раса, возраст.

Безусловно, между вышеперечисленными трактовками гендера нет противоречия, различие между ними, по сути, состоит лишь в расстановке акцентов. Понятие "гендер" отражает и процесс социокультурного конструирования половых различий; и их иерархическое соподчинение.

Однако, несмотря на кажущуюся решённость вопроса, дискуссии, тем не менее, продолжаются. И острота их обусловлена тем, что методологические позиции исследователей во многом зависят от того, какой смысл вкладывается в категорию гендера. В частности, теоретики феминизма критикуют понятие "гендер" за его политическую аморфность, поскольку в данном случае остаётся в стороне феминистский тезис о мужском доминировании [5].

Дискуссии продолжаются и в российской школе гендерных исследований. В этом случае налицо противостояние двух концепций. Так, А.А.Тёмкина и Е.А.Здравомыслова рассматривают гендер в качестве социального статуса, фундаментального измерения социальных отношений. Г.Г.Силасте предлагает понятие "социогендерный", так как категория "гендер", по её мнению, ещё не является социальной.

Оставляя в стороне многочисленные на этот счёт разногласия, позволим лишь согласиться с одним из исследователей в том, что сложность любого определения заключается во взаимосвязи действия и мышления. И само определение есть действие, влекущее серьёзные последствия [6, с.125].

Итак, собственно введение понятия "гендер" в научный лексикон стало толчком к формированию в 70-е годы XX века так называемого гендерного подхода в социологии как критики представлений классической социологии о природе отношений между полами. И коль скоро гендер предстал в качестве стратификационной категории, с необходимостью возникает тезис об анализе гендерного неравенства как элемента социального неравенства в целом.

В рамках структурного функционализма любая стратификация признаётся справедливой и неизбежной, исходной посылкой в данном случае является имплицитное признание биологического детерминизма ролей. Данный подход, получивший название поло-ролевого, имел достаточно большой резонанс в социологической теории. Так, в российской школе он оформился в качестве "феминологии" – науки о положении и функциональных ролях женщины в обществе. Политически данная теория представлена либеральным феминизмом. Акцент в данном случае делается на необходимости социально-политического обеспечения равных прав. Хотя здесь и используется понятие дискриминации, однако неравенство не является сущностной категорией анализа.

Совершенно иную трактовку гендерное неравенство и его моделирование получило в теории конфликта, где приобрело форму основной категории анализа (в наиболее ради-

кальных вариантах используется понятие угнетения и подавления). Феминисты глубоко и разнообразно анализируют различные аспекты угнетения женщины в семье и обществе. Особое внимание уделяется критике марксизма. Так, внося коррективы в материалистическую трактовку неравенства, теоретики феминизма полагают, что марксисты, акцентировав внимание на классовом анализе, упустили из виду особый тип угнетения женщины в семье и обществе и наличие мужчин и женщин как господствующего и подчиненного классов соответственно. Более того, предлагается модель, в которой господство мужчин и подчиненное положение женщин является базисной структурой, при помощи которой можно объяснить всю суперструктуру – экономические, политические институты; религиозные, философские взгляды конкретного исторического периода. Рассматривая гендерное неравенство (угнетение) в качестве глубоко укорененного в западной культуре, некоторые феминисты, тем не менее, предлагают проект утопического общества, в котором возможны безгендерная политика, безгендерная семья, безгендерная профессиональная организация. По сути, речь идет об общественном устройстве, в котором любые различия (половые, возрастные, классовые) не реализованы в качестве иерархических.

Для характеристики гендерного неравенства вводится понятие патриархата, основы которого рассматриваются как заключенные в сфере приватности и интимности. Сам термин “патриархат” стал одним из ключевых в теории феминизма благодаря работе Кейт Миллет “Сексуальная политика” (1969). В начале 90-х годов XX века профессор социологии Сильвия Волби определила патриархат как “систему взаимосвязанных социальных структур, при помощи которых мужчины угнетают и эксплуатируют женщин”, и такая трактовка некоторыми отечественными учеными рассматривается как социологическая [7, с.85]. Однако, по нашему мнению, категория патриархата если и анализируется в социологии, то только в феминистской ее ветви. Для гендерной социологии данное понятие не является основной категорией анализа, по крайней мере в вышеуказанном звучании.

Вообще говоря, зачастую социологи занимают недостаточно четкую методологическую позицию, а разграничение между феминистской и гендерной социологией остается открытым вопросом, на который каждый исследователь находит свой ответ. Ситуация усложняется тем, что собственно гендерный подход в социальных науках возник в результате вдохновения феминистов. Хронологически развитие феминистской социологии приходится на активизацию второй волны женского движения (конец 1960-х – начало 1980-х годов) и связано с разработкой теоретических вопросов феминизма. С начала 80-х годов XX века осуществляется переход от изучения женского опыта к анализу гендерной системы, что способствовало активному проведению гендерных исследований и развитию гендерной социологии как отдельной отрасли социологического знания.

Феминистское направление в социологии, возникнув в рамках конфликтной перспективы, представляет собой исследование специфического женского опыта и женского культурного “зазеркалья”.

Обвинения в идеологизации данного направления, прежде всего, касается феминистской эпистемологии. Речь идет об утверждении, что наиболее достоверным типом знания является знание, исходящее из опыта репрессии и подавления. То есть только репрессированная женщина может продуцировать знание. Именно такое отождествление знания и опыта приводит к редукционизму и идеологизации социального знания. Данные опасения побудили некоторых теоретиков феминизма к пересмотру позиций, согласно которым феминистское знание может вырабатываться не только женщинами [8, с.242-243].

Гендерная социология в отличие от феминистской перспективы является частной социологической теорией. В литературе предлагается следующий вариант и определения: “Гендерная социология – это частная социологическая теория, которая изучает процессы развития и социального взаимодействия мужской и женской общностей, анализирует эволюцию их социальных статусов и отношений с учетом культурных традиций и стереотипов, а также рассматривает влияние биопсихологических особенностей пола на поведение и сознание мужской и женской частей общества” [9, с.7].

Учет биопсихологических особенностей пола при анализе гендерных отношений

представляется нам в качестве одной из важных особенностей социологического подхода к анализу гендерной проблематики. В отличие от теоретиков социологии, феминисты всячески обходят вопрос о значении биологических особенностей индивида в выборе форм социального поведения. "Они (феминисты – авт.) постоянно наталкиваются на проблему отношения биологического и социального ... и заменяют её проблемой социальных детерминант пола" [10, с.14]. Биологический редукционизм, по сути, заменяется редукционизмом физиологическим. Однако не следует забывать о том, что гендерный подход являет собой вариант подхода стратификационного, в нём всегда присутствует тезис о гендерном неравенстве как о неравном распределении социальных ресурсов по половому признаку. В силу этого некоторые исследователи трактуют гендерный подход в социологии как "анализ отношений власти, организованных на основании культурно-символического определения пола" [11, с.17].

В заключение следует отметить, что, несмотря на достаточную степень экзотичности гендерного подхода в институциональном смысле для практики отечественной социологии, тем не менее здесь существует богатая предыстория изучения роли и статуса женщины в обществе. Безусловно, тормозил активизацию научного потенциала в этом направлении известный тезис о решенности женского вопроса в СССР, об отсутствии всяких форм гендерного неравенства. Интересно, что ЮНЕСКО долгое время отказывалась от проведения в СССР любых мероприятий по проблемам положения женщины, так как считалось, что здесь подобные исследования не проводятся. Однако первые опыты социологического анализа положения женщин свидетельствовали о наличии противоречий между законодательством и реальной практикой соблюдения равных прав полов. Речь шла прежде всего о производственной сфере, в силу этого большая часть научных работ советского периода по женской проблематике была связана с особенностями положения женщины в сфере общественного производства и вопросу совмещения профессиональных и бытовых функций женщины.

Безусловно, что обновление теоретической базы социологии гендерной теорией внесло весомый вклад в анализ различных аспектов положения женщины, ее экономического, политического, социокультурного потенциала. Актуальность гендерных исследований повышается в период глубоких социальных трансформаций украинского общества, характеризующихся снижением социального статуса женщин.

Литература.

1. Ушакин С.А. Поле пола: в центре и по краям. // Вопросы философии. – 1999. – №5. – С.71-84.
2. Воронина О.А. Социокультурные детерминанты развития гендерной теории в России и на Западе. // Общественные науки и современность. – 2000. – №4. – С.9-21.
3. Чучин- Русов А.Е. Гендерные аспекты культуры. // Общественные науки и современность. – 1996. – №6. – С.141-154.
4. Воронина О.А. Философия пола. // Философия. Учебник под редакцией Губина В.Д. – М.; 1998. – С.388-408.
5. Батлер Дж. Феминизм под любым другим именем. Интервью с Розы Брайдогги. // Гендерные исследования. – 1999. – №2. – С.48-79.
6. Абубикирова Н.А. Что такое гендер? // Общественные науки и современность. – 1996. – №6. – С.123-125.
7. Іващенко О. Гендерна наукова перспектива. // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. – 1998. – №6. – С.78-91.
8. Жеребкина И. "Прочти моё желание..." Постмодернизм. Психоанализ. Феминизм. – М.:Идея-Пресс. – 2000. – 256с.
9. Силласте Г.Г. Гендерная социология как частная социологическая теория. // Социс. – 2000. – №11. – С.5-15.
10. Юлина Н.С. Женщина, семья и общество. Дискуссии в феминистской мысли США. // Вопросы философии. – 1994. – №9. – С.132-146.
11. Здравомыслова Е.А., Тёмкина А.А. Социология гендерных отношений и гендерный подход в социологии. // Социс. – 2000. – №11. – С.15-24.

ОСОБЕННОСТИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА АГРЕССИИ

The author has considered the specific approaches of specialists of different science to the problem of aggression. The theme of the aggression has been the object of analysis of the social psychologists and psychiatrists for a long time. But this problem has been not considered by sociology. The author has described sociological approach to aggression based on M. Veber theory of social act.

Проблема вивчення агресії, не дивлячись на її актуальність, практично не вивчалася соціологами, про що свідчить відсутність теоретико-методологічних розробок з цієї теми. В статті пропонується розглянути один з варіантів соціологічного підходу до цієї проблеми, побудований на методологічних принципах "розуміючої" соціології М.Вебера. Оскільки прояви деструктивної поведінки дуже багаточисленні, є сенс використати типологічний принцип М.Вебера і виділити чотири типи агресивної поведінки стосовно мотивів, що лежать в її основі.

Ключевые слова: агрессия, социальное действие, целерациональное действие, ценностно-рациональное действие, иррациональное действие, аффекты, мотив, предрассудок.

На протяжении многих веков лучшие умы человечества задавали себе вопросы о том, почему люди действуют агрессивно, что собой представляет подобное деструктивное поведение, как можно его предотвратить или взять под контроль. Однако только в XX столетии данная проблема стала предметом систематического научного исследования и, в сущности, ее изучение порождало больше вопросов, чем ответов. Эти вопросы рассматривались с различных позиций – с точки зрения философии, религии, психологии, педагогики, криминологии и многих других наук. Особое внимание изучению агрессии уделялось специалистами в области психиатрии и социальной психологии, сделавших акцент на изучении таких вопросов, как характерологические особенности "агрессоров", анализ механизмов усвоения индивидами агрессивного поведения, факторы, провоцирующие агрессию, последствия ошибок воспитания и влияния социальной среды на возникновение агрессивности, типы психологической помощи. Сейчас же наиболее актуальным является именно социологический срез многих неразработанных проблем, касающихся, во-первых, социальной природы агрессии, и, во-вторых, понимания агрессивного поведения как одной из форм социального взаимодействия. В отличие, например, от социальной психологии и психиатрии, имеющих огромный пласт как эмпирического, так и теоретико-методологического материала по данной проблеме, социология испытывает острый дефицит подобных наработок. В данной работе мы хотели бы предложить один из вариантов социологического подхода к анализу агрессии, построенный на методологических принципах понимающей социологии М.Вебера.

Представители большинства социальных наук определяют агрессию как форму человеческого поведения, направленную на причинение вреда или ущерба другому живому существу, не желающему подобного с собой обращения [1, с.26]. Особенность социологического подхода состоит в том, чтобы представить агрессию в качестве социального действия и с этой позиции объяснить ее специфику и воздействие. Как известно, социальное действие, по М.Веберу, соответствует двум основным критериям: во-первых, действующий индивид или индивиды должны связывать с ним субъективный смысл и, во-вторых, оно должно соотноситься с действием других людей и ориентироваться на него [2, с.455]. По нашему мнению, агрессию вполне правомерно можно рассматривать как социальное действие, поскольку, во-первых, она является намеренным, целенаправленным действием, то есть имеет определенный субъективный смысл и, во-вторых, социальный характер агрессии

выражается в том, что она предусматривает наличие объекта агрессии, в качестве которого может выступать другой человек или группа людей.

По Веберу, предметом социологии является смысл поведения, а “объяснить” означает постичь смысловую связь, в которую по своему субъективному смыслу входит недоступное непосредственному пониманию действие [2, с.60]. В контексте рассмотрения агрессии в качестве социального действия, основной задачей социолога является поиск субъективного смысла в каждом конкретном случае. Другими словами, исследователь должен “понять” мотив изучаемого агрессивного поведения. “Мотивом” же, по М.Веберу, называется некое смысловое единство, представляющее действующему лицу или наблюдателю достаточной причиной для определенного действия [2, с.463]. Например, чтобы не непосредственно, а мотивационно понять действия человека, который разбивает витрину магазина, социолог должен предполагать, почему он делает это теперь. В этой связи может обнаружиться, что в магазине пожар, либо этот человек действует за плату (понимание рациональной мотивации), либо из мести. Можно, наконец, понять гнев, если знать, что он вызван ревностью, ущемленным тщеславием, покушением на честь (действие, обусловленное аффектом, т.е. иррациональное по своим мотивам). Другими словами, задачей исследователя является выявление смысловых связей, понимание которых рассматривается как объяснение фактического действия. В нашем случае в роли последнего выступают разнообразные проявления агрессивного поведения. К сожалению, количество данных об агрессии так велико, как велико и количество ее разнообразных проявлений. Поиск субъективного смысла при таком многообразии различных ситуаций становится для исследователя невообразимо сложным.

Для решения этой задачи, на наш взгляд, лучше всего типологизировать различные виды агрессии с помощью методологического принципа, предложенного М.Вебером, выделившим четыре основные идеальные типа социального действия. Итак, по Веберу, социальное действие может быть определено: целерационально, то есть через ожидание определенного поведения от других людей, при использовании его как “условия” или как средства для рационально направленных и регулируемых целей (критерием рациональности является успех); ценностно-рационально, то есть через сознательную веру в этическую, эстетическую, религиозную или какую-нибудь иначе понимаемую безусловную собственную ценность (самоценность) определенного поведения, взятого как таковое не зависимо от успеха; аффективно, особенно эмоционально – через актуальные аффекты и чувства; традиционно, то есть через привычку [3, с.108].

Что касается последних двух видов действия (аффективного и традиционного), то они, по мнению М.Вебера, не являются социальными в строгом смысле этого слова, поскольку здесь мы не имеем дело с осознанным и положенным в основу действия смыслом [3, с.108]. Аффективные и традиционные виды действия в наибольшей мере являются объектом изучения психологии и психиатрии.

Определяя агрессию как целерациональное действие, мы имеем в виду те случаи, в которых агрессия выступает как средство достижения индивидом определенных целей с помощью физической силы или морального давления на объект. Такого рода агрессия представлена огромной гаммой проявлений, начиная от войн и заканчивая детской истерикой по поводу некупленной игрушки. Такие ученые, как А.Басс, Д.Зилменн, У.Хартуп, Я.де Вит и другие, связывают существование и столь широкое развитие агрессии в условиях современного общества с теми важными функциями, которые она в нем выполняет, позволяя людям с наименьшими затратами реализовывать их цели и желания и выступая при этом в роли наиболее эффективного средства ограждения их от неприятностей. “Хотя агрессия и не инстинкт, – считает Д.Зилменн, – она выполняет важную инструментальную функцию и обладает, кроме того, еще и полезностью”. Или, как заметил другой американский психолог А.Басс: “Агрессия окупается”. При этом он приводит примеры из самых разнообразных областей общественной жизни, иллюстрирующие его идею. Речь идет и о деятельности мафии, и о традиционных мифах американской истории, прославляющих идеи захватов и насилия. В таком контексте агрессия олицетворяет прямой путь к успеху и престижу [4, с.36].

Теория социального научения А. Бандуры также подчеркивает, что и наш собственный опыт, и наблюдение за успехами других порой убедительно демонстрируют нам, что агрессия может приносить определенную выгоду, т.е. обеспечить реальные вознаграждения [1, с.50]. Анализ данного вида агрессии требует пристального внимания к тому, каким путем агрессивная модель была усвоена, какие факторы провоцируют ее проявление, какие условия способствуют закреплению данной модели поведения. Рациональность агрессивного поведения состоит в том, что оно является одним из наиболее простых и достаточно эффективных средств достижения каких-либо целей.

Ценностно-рациональная мотивация проявляется в тех случаях, когда агрессивное поведение является ценным само по себе, либо как дань моде, либо как дань религиозной общине, либо как дань определенному культурному или расовому предрассудку. К числу наиболее важных установок, аффектирующих агрессивное поведение, относятся различные формы предрассудков. Например, расовые предрассудки являются одним из важнейших источников межрасовой агрессии: так лица, питающие сильное предубеждение по отношению к представителям другой расы, ведут себя гораздо более агрессивно с вызывающими у них неприязнь "чужаками", нежели с членами собственной группы. За последние годы расовые установки, как белых, так и черных американцев, претерпели достаточно серьезные изменения. С одной стороны это привело к снижению уровня агрессии, проявляемой белым населением Америки по отношению к черному меньшинству, а, с другой, к тому, что в некоторых случаях черные стали вести себя по отношению к белым более агрессивно, чем прежде. Однако в ситуации стресса или повышенного возбуждения обе группы могут возвращаться к своим более ранним установкам относительно межрасовой агрессии. Это явление получило название регрессивного расизма [1, с.225].

Сущность ценностно-рациональной мотивации агрессии, по нашему мнению, может быть интерпретирована также с позиции Э.Фромма, представленной в работе "Анатомия человеческой деструктивности". По его мнению, человек нуждается в драматизме жизни и постоянных переживаниях. "Если на высшем уровне своих достижений он не находит удовлетворения, то сам создает себе драму разрушения", – пишет Э.Фромм [5; с.40]. В данном случае агрессивное поведение является самоценностью, поскольку оно не преследует цели достижения успеха.

Таким образом, особенность социологического подхода к изучению агрессии заключается в понимании и объяснении смысла данного поведения. Во всех случаях, в том числе и там, где действуют аффекты, задача социолога заключается в том, чтобы определить смысл событий, а также смысловые связи как предполагаемый смысл. "Понимание", по М.Веберу, во всех этих случаях означает интерпретирующее постижение: а) реально предполагаемого в отдельном случае (при историческом анализе событий); б) предполагаемого, взятого в среднем и приближенном значении (при социологическом рассмотрении массовых явлений); в) смысла или смысловой связи в научно-конструируемом чистом типе (идеальном типе) некоего часто повторяющегося явления [2, с.461]. При помощи веберовской теории социального действия можно типологизировать и разложить весь спектр проявлений агрессивного поведения в зависимости от их мотивации на четыре основных вида социального действия: целерациональное, ценностно-рациональное, аффективное и традиционное. Для социологии значимым являются лишь первые два вида социального действия, поскольку ее интересует именно осмысленное поведение (смысловая связь действия).

Литература:

1. Бэрн Р., Ричардсон, Д. Агрессия – СПб: "Питер", 1999. – 352с.
2. Вебер М. Основные социологические понятия // Западно-европейская социология XIX-началаXXвеков / Под ред. Добренкова. – М.:Изд. Международного института бизнеса и управления. –1996. – 520с.
3. Громов И.А., Мацкевич А.Ю., Семенов В.А. Западная социология –СПБ: "Ольга" . – 997. – 372с.
4. Румянцева Т.Г. Агрессия и контроль // Вопросы философии. – 1992. – №5-6. – С.35-40.
5. Фромм Э. Введение: инстинкты и человеческие страсти. – М.:Наука, –1976. –350 с.